

Евгений Бекетов

ТАЙНА ЛЕСНОГО ОЗЕРА

18+

Бекетов Евгений
Тайна лесного озера

«Автор»

2026

Евгений Б.

Тайна лесного озера / Б. Евгений — «Автор», 2026

Два сюжета, разделённые столетиями, тесно переплетены тайной лесного озера. Каждые шестнадцать лет в водоёме тонет девушка из ближайшей деревни. Алесь Лучинок, школьный учитель, попадает в центр событий, узнав из местной легенды, что озеро проклято, а все предыдущие трагедии не случайны. Но, как побороть проклятие, на которое не действуют ни молитвы, ни заклинания? За ответами учитель отправляется к известному знахарю. Будучи историком, Алесь, как никто другой осознаёт ту мистическую угрозу, которая дамкловым мечом нависает над жителями деревни. Намереваясь избавить односельчан от проклятия, он вместе с другом преодолевает десятки километров дремучего леса, грабит музей с помощью воздушного шара и оказывается запертым в заброшенном подземелье.

© Евгений Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
1	7
2	9
3	12
4	13
5	15
6	17
7	19
8	22
9	24
10	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Бекетов Евгений

Тайна лесного озера

К осени 1795 года в результате трёх разделов Речи Посполитой практически вся территория современной Беларуси вошла в состав Российской Империи. Однако, ещё долгое время значительная часть крупных белорусских землевладельцев не оставляла надежды на возрождение Речи Посполитой в границах 1772г.

В этот трудный переходный период местная шляхта, брошенная на произвол судьбы, была вынуждена менять свои привычные устои и в очень сжатые сроки всевозможными путями приспособляться к иным порядкам и к власти новых государственных структур.

Преследуя личные интересы или просто намереваясь выжить в сложившихся условиях, некоторые белорусские дворяне старались всячески угодить высокопоставленным чиновникам Российской Империи, нередко впадая в крайность и заходя в своих необдуманных комбинациях слишком далеко, что неизбежно приводило к трагедиям семейного, а зачастую и общественного масштаба.

(От автора)

Никогда, ни в каких случаях
не надо отчаиваться.
Надеяться и действовать –
наша обязанность
в несчастье.
Бездеятельное отчаяние –
забвение и нарушение долга.
Борис Пастернак

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Витебская область, 2016 год

Раскалённое докрасна солнце неудержимо скатывалось к горизонту. Казалось, что вот-вот оно достигнет зубчатых вершин леса и распадётся на мириады искр, которые стремглав пронесутся по небосклону и все до единой, в одно мгновение замерев, превратятся в звёзды. Но солнце медлило. Оно ласкало бледно-розовым теплом маленькое озеро, пологий пляж и собравшихся на этом пляже людей. Солнцу было невдомёк, почему именно сегодня близ озера так многолюдно, необыкновенно тихо и как-то уж совсем горестно.

Собравшимися были в основном жители близлежащей деревни Слободка. Чуть поодаль стояло несколько случайных прохожих из других деревень. Взгляды из толпы были устремлены к озеру, люди как будто чего-то ждали. Некоторые переговаривались шепотом, в котором явно присутствовали нотки тревоги.

На берегу, у самой кромки воды, стояла невысокая, заплаканная женщина. Волосы её были растрёпаны и в беспорядке, как попало, ложились на плечи. Рядом с ней находился мужчина средних лет, по всей видимости, супруг. Он нежно прижимал свою половинку к груди и тщетно пытался успокоить. Она тихонько плакала и шептала молитвы, её рассудок находился на грани безумия. Женщина то и дело порывалась к воде. Останавливала безутешную только поддержка мужа.

В серых, обтягивающих костюмах в озеро заходили водолазы. В своих поисках они всё дальше удалялись от берега, поросшего высокой травой и редким кустарником. По очереди водолазы выходили на сушу, отдыхали и снова погружались в воду.

Алесь Лучинок сошел с дороги и направился в сторону собравшихся односельчан. Подойдя ближе, он кивком головы поприветствовал встревоженных людей и в тон общему настроению, шёпотом поинтересовался:

– Беда?

– Да сынок, верно ты подметил – беда, – Нина Александровна глубоко вздохнула, с трудом произнося слова, полные горечи и скорби. – Соня... Сонечка Михеева утонула...

Алесь знал Соню очень хорошо, как и остальных детей в деревне Слободка. Вот уже второй год он по распределению работал в местной школе учителем истории и географии. Там же, только учительницей математики, работала и Нина Александровна. Для своего возраста Алесь Лучинок был самостоятельным молодым человеком, хорошим учителем, мудрым советчиком по любым мало-мальски важным вопросам. В его доме часто гостили коллеги учителя, периодически заезжал на чашку чая председатель местного колхоза Трофим Николаевич Дунин, заглядывали за советом ученики-старшеклассники. В деревне его любили и уважали многие и, почти сразу, слегка изменив фамилию, прозвали Лучиком, за лучезарную улыбку, доброту и отзывчивость. Сначала между собой так его называли дети, но взрослым настолько понравилось это прозвище, что они стали употреблять его напрямую. Алесь на это не обижался, в какой-то мере ему это даже нравилось.

Он унаследовал от отца высокий рост, широкие плечи (про таких обычно говорят: «косая сажень в плечах»), а от матери – редкую по силе интуицию, незаурядный ум. Глубокие голубые глаза и русые волосы только дополняли его удивительную схожесть с древнеславянскими богатырями. В Слободке учителю выделили дом, хотели подобрать невесту, да только ничего у него с местными красавицами не получалось, так и оставался он холостяком в свои неполные двадцать семь лет.

Люди потихоньку начали расходиться так и не дождавшись, когда девочку обнаружат водолазы. Нина Александровна ушла. Алесь постоял ещё минуту, развернулся и хотел было тоже уйти, но вдруг на берегу раздались громкие крики и рыдания матери, которая лишилась последней, самой главной в её жизни надежды. Алесь подошёл ближе к берегу, увидел лежащую на покрывале девочку и не смог сдержать слёз. Ещё недавно она сидела за первой партой живая и весёлая, наверное, самая живая в седьмом классе, а быть может, и во всей Слободке. От этих мыслей Алесю стало не по себе, захотелось поскорее вернуться в деревню.

Озеро находилась недалеко от Слободки. В жаркие летние дни дети бегали сюда купаться и загорать, и этот день был именно таким. Алесь шёл по извилистой тропинке, протоптанной босыми ножками маленьких слободчан. В обед по этой дорожке к озеру шла Соня...

Солнце окончательно ушло за горизонт. Погружённый в печальные мысли, Алесь подошел к своему дому, отворил калитку и только тогда заметил сидящего во дворе на лавочке человека. В сумерках тяжело было понять, кто пожаловал к нему в гости, но силуэт показался знакомым и не вызвал каких-либо опасений. Человек медленно поднялся и направился навстречу хозяину.

– Здравствуй, Лучик! – вполголоса произнёс силуэт, в котором Алесь узнал школьного сторожа.

– А, это ты Михалыч, – удивился он. – Какими судьбами?

– Ты, небось, сейчас с озера идёшь? Горе там, говорят, приключилось? – понизив голос и зачем-то оглядываясь по сторонам, спросил сторож.

– Да... Девочка утонула.

– Ты знаешь Лучик, я как раз об этом с тобой и хочу поговорить.

Михалыч присел на лавочку и продолжил:

– Подойди, Лучик, присядь рядом со мной. Ты у нас в деревне самый образованный, вот и послушай то, о чём я тебе хочу рассказать. Вся эта история с девочкой не случайна... Виной всему старое проклятие!

Услышав произнесенные Михалычем слова, Алесь решил, что сторож пьян, и уже собирался распрощаться с ним, но тот, разгадав намеренья собеседника и смотря ему прямо в глаза, произнёс убедительным полушёпотом:

– Я не пьян, Лучик, и не сошёл с ума. Послушай, я бы и сам не поверил в эту чертовщину, если бы не факты...

– Какие факты, Михалыч? Что за ерунду ты несёшь? Ну какие здесь могут быть факты? – Алесь дрожащими руками достал сигарету и закурил.

Немного успокоившись, он повернулся к угрюмому Михалычу и произнес:

– Хорошо, рассказывай, что хотел рассказать, – и, потушив сигарету, добавил, – только не морочь мне голову всякими своими проклятьями.

Михалыч и в самом деле был трезв. После одного неприятного случая он вообще редко употреблял спиртные напитки, если только по праздникам, да и то в очень умеренных количествах. В свои семьдесят четыре года мужчина выглядел, как минимум, на десять лет моложе этого возраста, а вьющиеся, немного поседевшие волосы предавали его внешнему виду солидность, достойную городского профессора. Но единственное, что по-настоящему волновало школьного сторожа, это рыбалка во всех её проявлениях. Он часами, а то и днями пропадал на озере наедине с удочкой и никогда не возвращался домой без улова. В этом деле Михалыч был настоящий профессионал.

2

– Впервые я столкнулся с этой бедой более полувека назад, – начал свой рассказ Михалыч, чувствуя, что Алесь наконец-то готов его выслушать. – Мне тогда было то ли десять, то ли одиннадцать лет, точно уже не помню. В тот год утонула на нашем озере молодая девушка, её Василисой звали, очень скромная и добрая была, пожалуй, самая добрая в деревне. Долго мы после этого не ходили на озеро, побаивались чего-то, да и старожилы пугали всякими небылицами... Но вскоре страсти поулеглись, и решили мы с дедом моим Никитой Ивановичем сходить на озеро поудить рыбу. С вечера приготовили удочки, снасти запасные, сложили наживку в рюкзак и чуть засветло отправились в путь. Подошли мы к озеру, а над водной гладью туман густой пеленой стелется, камыши по берегу стоят, не шелохнутся, и тишина такая, словно и не было там никогда лягушечьего хора. Разложили мы удочки, закинули поплавки и сидим, ждём заветной поклёвки. Вдруг вижу: метрах в пятнадцати от нас идет по воде девушка в белом свадебном платье, идёт себе в тумане над водой и на нас с дедом поглядывает, мол: «Чего надобно на моём озере в такую рань?». Я аж обомлел. Ну, думаю, привиделось мне, с кем не бывает. И тут замечаю, что дед тоже на неё уставился. Вот тогда я действительно испугался, да так, что удочку из рук-то и выронил. Плюхнулась она об воду, отвлекла наше с дедом внимание, а когда мы снова на озеро посмотрели, привидение уже куда-то исчезло.

Михалыч говорил почти шёпотом, поэтому Алесь, увлечённый рассказом, придвинулся ближе и лишь изредка издавал какие-либо звуки, отпугивая назойливых комаров.

– Переглянулись мы с дедом и сидим дальше, рыбачим, – продолжал свой полуфантастический рассказ Михалыч, – просидели где-то около часа и, не поймав ни одной рыбёшки, решили возвращаться в деревню. Всю дорогу шли молча, а когда уже подошли к дому, неожиданно дед признался мне, что не впервой ему видеть это приведение.

Многие тайны озера тем летом открыл мне дед, именно тогда я узнал, что задолго до революции принадлежала деревня Слободка одному зажиточному пану. Невероятно богат был этот пан, владел имением Задвинье, в которое входили два фольварка, большое озеро, пять тысяч десятин строевого леса и две сотни рабочих душ. Жил он вместе с женой, двумя дочерьми и десятком человек домашней прислуги в двухэтажном рубленом доме с каменным подвалом. Стоял этот дом, словно сказочный дворец, на берегу огромного голубого озера.

Был у пана интересный промысел, который приносил ему баснословные доходы. А заключался этот промысел в выращивании мачтовых сосен с последующей продажей их кораблестроителям в Петербург и Архангельск. Сосны эти росли вокруг озера, которое было в те времена раз в пятнадцать больше теперешнего. И всё у пана складывалось замечательно, торговля шла хорошо, дочки подрастали умницами и красавицами, да вот неожиданно-негадано заглянуло горе и в панский терем: после непродолжительной хворобы умерла хозяйка дома, и сделался пан вдовцом. Не в силах смириться с постигшей его утратой, построил он на местном кладбище склеп и перезахоронил в нём свою жену и некоторых близких своих родственников. Всего в склепе насчитывалось пять гробов. Но и на этом не остановился пан и приказал вырыть подземный ход от дома своего до самого склепа, а когда этот ход был готов, стал пан каждую ночь приходить по нему к гробу жены и молиться у него по нескольку часов кряду. Но со временем душевные раны вдовца затянулись, и жизнь потекла прежним чередом. Пришло время выдавать старшенькую дочь замуж. Сыскал ей пан в городе жениха, да не абы кого, а сына самого генерал-губернатора Шишкина. Да только вот сердце молодой барышни принадлежало уже другому, а воле отца упрямитесь – себе дороже. В назначенный день свадьбы, облаченная в белое платье, бросилась дочка пана в озеро, да так навсегда в нем и осталась, но, что самое интересное, тело её так и не нашли, – Михалыч прокашлялся, посмотрел на внимательно слушавшего Алесья и продолжил, – как узнал об этом пан, будто бы сумасшедшим в одночасье

сделался, приказал он холопам своим весь мачтовый лес вокруг озера подчистую вырубить и сбросить в воду. Три дня и три ночи сотни холопов выполняли поручение пана, и на четвертый день так завалили они озеро, что превратилось оно в сплошной бревенчатый плот, от края до края.

Через месяц сгорел панский рубленый дом вместе с паном и некоторыми из его слуг. Спасти удалось лишь незначительные пожитки и младшенькую панночку. Её, горемычную, увез к себе в имение двоюродный брат пана. Он же через некоторое время на правах опекуна основной наследницы продал Задвинье приезжему врачу Карлу Ивановичу Гибенталю.

Годы спустя образовалось на месте бывшего озера сплошное непроходимое болото, которое существует и по сей день, а в разных углах этого огромного болота со временем начали появляться небольшие озёрца. Всего появилось три озера, одно из них наше – Псярское. И стали тогда местные жители замечать таинственную барышню в белом облачении, разгуливающую ночами вблизи Псярского озера. Многих людей напугала эта невеста, но самое страшное ждало слободчан впереди. Когда минуло шестнадцать лет с того момента, как утопилась панночка, в деревне Слободка произошло новое несчастье: ушла на озеро молодая девушка полоскать бельё, да так и не вернулась. Позже односельчане обнаружили на берегу корзинку с бельём, а через три дня и саму утопленницу. Ещё через шестнадцать лет история повторилась, а через следующие шестнадцать – стала закономерностью. Вот это я и хотел тебе рассказать, Лучик. Всё это я услышал от своего деда, которому в свою очередь рассказал эту историю его отец, – Михалыч вздохнул и молча уставился в темноту, в ту сторону, где в нескольких сот метрах находилось Псярское озеро.

Алесь тоже молчал, ему, человеку образованному, тяжело было поверить в рассказанную Михалычем легенду, но какое-то необъяснимое чувство тревоги подсказывало, что поверить в эту историю с приведением всё же придется.

– Михалыч, а дед тебе не рассказывал, почему озеро это Псярским назвали?

– А как же, и об этом он мне поведал: была у того пана-богатея забава одна – псовая охота! Для этих дел он даже построил недалеко от озера псарню и нанял в городе специально обученного человека – псаря (по бел. – псяр), в его обязанности входил уход за собаками и участие в самой охоте. Легенда, передаваемая на протяжении двух столетий из уст в уста, сохранила имя этого человека, его звали Иваном! Он был необыкновенно красивым и добрым юношей, очень трудолюбивым и преданным своему делу. Иван досконально знал особенности каждой собаки, её сильные и слабые стороны, повадки во время загона. На панской псарне проживало с десятков борзых и несколько десятков

гончих собак, меньшинство составляли собаки для норной охоты, их насчитывалось не более пяти.

Как-то раз на псарню заглянула панночка, Иван проводил её к только что оценившейся польской гончей. Девушка так впечатлилась этим событием, что стала проводить на псарне всё своё свободное время. Вскоре между ней и псарём завязалась настоящая дружба, постепенно переросшая в первую для обоих неземную любовь. В планы пана, естественно, не входило породниться с собственным холопом, поэтому он немедля стал подыскивать своей дочери более подходящего по статусу жениха. Тут-то и подвернулся этот молодой Шишкин, будь он тысячу раз неладен. Ну, что случилось с панночкой, я тебе уже рассказывал... Не дай Бог никому такой судьбинушки. Так вот, через несколько дней после гибели своей возлюбленной, псарь отворил дверцы всех вольеров и выпустил на волю несколько десятков породистых охотничьих псов. С тех пор об Иване более никто ничего не слышал. Правда, дед говорил, ходили слухи, будто молодой псарь умер от тоски, а душа его переселилась в одну из тех гончих, которых он отпустил на свободу, и что этот пес-призрак и поныне обитает где-то в районе Псярского озера, ожидая свою возлюбленную. Но мне кажется, это не более чем домыслы особо впечатлительных людей.

И вот с тех пор, как образовалось новое маленькое озеро на месте прежнего, заваленного лесом, его стали называть Псярским в честь того самого молодого пса, влюблённого в панночку. А с выпущенными собаками и вправду получилась интересная история: они, сбившись в стаю, благополучно обустроились в близлежащем лесу и, используя свои охотничьи навыки, легко находили себе корм и размножались. Через несколько поколений псы полностью одичали, разбрелись или вымерли, однако некоторых потомков тех самых псов можно встретить в наших окрестностях и поныне...

– Знаешь, Михалыч, – задумчиво и устало произнёс Алесь, – очень уж невероятна твоя история, мистика какая-то, в самом деле. Давай-ка мы завтра с тобой об этом потолкуем на свежую голову, я с утра в школьный архив загляну, может быть, найду там что-нибудь касаемо этой легенды, а потом сразу к тебе.

– Твоя правда, Лучик. Утро вечера мудренее! Ну, будь здоров! – Михалыч поднялся, протянул Алесю руку. – Ты только не думай, что я свихнулся. Многие жизни ещё можно спасти. Спокойной ночи, Лучик!

Михалыч крепко пожал руку Алесю, отворил скрипучую калитку и через мгновение растворился в сгустившейся темноте.

Где-то далеко за озером сверкнула молния, тотчас раздался оглушительный громовой раскат. Алесь сидел ещё некоторое время на лавочке, пытаясь переварить события нынешнего дня, но пришедший вместе с грозой дождь заставил его перебраться в дом.

3

По-холостяцки поужинав, Алесь через некоторое время лёг спать. Заснул он не сразу, ещё около получаса ворочался на своей уныло поскрипывавшей кровати, пока усталость полностью не овладела его возмущенным сознанием.

Всю ночь он спал крепким, восстанавливающим силы и энергию сном, и только под утро привиделось ему необыкновенно реалистичное сновидение: будто бы сидел он на берегу Псярского озера и удил рыбу, с противоположного берега ему кричали и махали руками какие-то люди, но Алесь не слышал их и не узнавал. Продолжая удить рыбу, он бубнил себе под нос старую рыбацкую песенку. Незаметно на озеро лёг туман, люди на том берегу перестали быть видны ему. Он приподнялся с бревнышка, на котором сидел, чтобы посмотреть внимательнее на тот берег, и вдруг оступился и упал в озеро. Вода показалась на удивление горячей, но не обжигающей, а приятно успокаивающей и умиротворяющей. Алесь решил сплавать на другой берег и узнать, чего хотели от него орущие люди. Медленно поплыл он в сторону противоположного берега, стараясь не сбиться с пути в сплошном тумане. Ему казалось, что он плывёт уже целый час, а берега все нет и нет. Ноги и руки у него стали словно свинцовые, новые движения давались все труднее и труднее, пока он окончательно не выбился из сил и не начал тонуть. Панический страх овладел сознанием Алеся, из всех сил он пытался держаться на плаву, но его тяжелое и непослушное тело неумолимо быстро погружалось под воду. Неожиданно чьи-то цепкие и в тоже время нежные руки схватили его и потащили к берегу. Он взглянул на своего спасителя и оторопел: это была необыкновенной красоты девушка в свадебном платье. Она дотащила его до берега и, прежде чем он успел опомниться, снова исчезла в густом тумане. Людей на берегу не было, только у самой кромки воды стояла плетёная корзинка, доверху заваленная постиранным бельём.

4

Витебская губерния, 1807 год

Озорная, розовощёкая девчушка спрыгнула с качелей и, прихватив корзинку с рыженьким котёнком, помчалась через палисадник к дому. Медленно взобравшись по крутым ступеням на высокое крыльцо, она поставила корзинку рядом с взволнованной кошкой, ещё раз взглянула умилённым взглядом на Рыжика и скрылась за дверь.

В доме царил невероятный переполох. Женщины в белоснежных передниках и мужчины в парадных ливреях озабоченно сновали из угла в угол: одни вытирали пыль и начищали до блеска бронзовые подсвечники, другие накрывали в гостиной на стол, третьи с нетерпением поглядывали в окно на дорогу и периодически поворачиваясь к остальным, недоуменно разводили руками.

– А я вам говорила, Марья Гаврилова, рановато мы на стол накрываем, того гляди и остынет всё, – молодая, пышнотелая повариха поставила глиняный горшочек с жареным мясом на белоснежную скатерть и отёрла руки о цветастый передник.

– Дунечка, ну ты же знаешь, пан Януш никогда не опаздывает, – беззаботно ответила ей пожилая нянька.

Девчушка незамеченной проскользнула к лестнице, в очередной раз вместе со всеми заглянула в окно и, ничего в нем не увидев, поднялась на второй этаж.

– Просыпайся, Чеся! – тоненьким голосом скомандовала она, отворяя двери небольшой, хорошо обставленной комнаты. – Папа приедет с минуты на минуту, а ты ещё спишь.

– Кити, я же просила тебя не врываться в мою комнату, – донёсся из-под подушки заспанный девичий голосок.

– Не ругайся, сестричка, – прошептала Кити и резким движением одернула занавески. Комната мгновенно наполнилась ярким солнечным светом и не менее ярким детским смехом. Чеся медленно скинула с головы подушку и, сев на кровати, строго посмотрела на сестру.

– Завтра я разбужу тебя с первыми петухами, маленькая проказница.

– Нет, не разбудишь, – улыбаясь, ответила ей Кити. – Ты никогда не вставала раньше петухов и завтра тоже не встанешь. Одевайся скорее, пойдем встречать папу.

Чеся нехотя встала, отворила узкую стеклянную дверцу и босиком, в ночной рубашке вышла на балкон. Следом прошмыгнула Кити. Девочки взялись за руки и посмотрели на петлявшую вдоль огромного голубого озера пыльную ленту дороги. Где-то очень далеко, на самом горизонте, показались карета в сопровождении четырёх всадников.

– Чеся, это папа, я буду ждать тебя внизу, – обрадовано протараторила Кити и поспешила первой донести хорошие вести до обеспокоенной прислуги.

Пан Януш не часто навещался в город, оттого возвращаясь домой, он всегда доверху заваливал свою голландскую карету различными товарами и подарками для дочерей и прислуги. С тех пор, как умерла его жена, он не скупился в деньгах и щедро одаривал своих работников мелкими украшениями и добротной одеждой, именно поэтому пана Януша всегда так ждали и волновались перед его возвращением.

Девочки обняли отца и повели его в дом, с нетерпением предвкушая долгожданный момент распаковывания подарков.

– Чеся, Кити! Дали бы вы отдохнуть отцу с дороги, – вздохнула Марья Гавриловна. – Небось проголодались, пан Януш?

– Какое там, не более часа назад лесничий Проха накормил нас в своей избушке жареной олениной с грибами. Так что, девочки, будем распаковывать подарки.

Чесе и Кити весело взвизгнули и захлопали от нетерпения в ладоши. Отец откинул крышку деревянного сундука, достал из него ручное зеркальце в серебряной оправе и протянул его Чесе.

– На, дочка, это тебе. А тебе, Кити, вот это шёлковое платьице, – сказал пан, доставая из сундука удивительной красоты наряд.

Девочки восхищённо отсмотрели свои подарки и бросились к отцу на шею.

– Это ещё не всё, – пан интригующе заулыбался и снова запустил руку в свой неподъёмный походный сундук. – Я купил вам маленький платяной сундучок, – сказал он, доставая богато украшенный деревянный ящичек, больше похожий на огромную малахитовую шкапулку. – В нём вы можете хранить мои подарки и самые ценные свои вещи. К сожалению, на ярмарке был только один такой сундучок, поэтому придется вам дожидаться моей следующей поездки, чтобы я смог привезти второй такой же.

– А этот мы отдадим Чесе, – вежливо произнесла Кити, – ей он нужнее, а я подожду немножко.

Отец улыбнулся и заботливо прижал дочерей к груди.

5

Алесь разбудил чей-то настойчивый стук в дверь. Приподнявшись на локте, он взглянул на часы, стоявшие рядом на тумбочке, и улыбнулся; только летом учитель мог позволить себе спать так долго. Часы показывали без четверти двенадцать. Стук повторился уже в который раз. Алесь, торопливо натянув джинсовые шорты и серую майку, по пути нырнув в резиновые тапочки, поспешил открыть дверь настойчивому посетителю.

Он был крайне удивлён, когда увидел за дверью Зинаиду Петровну, жену школьного сторожа Михалыча. Она выглядела взволнованной и растерянной.

– Доброе утро! – сказала она приветливо, хотя на самом деле утро давно уже миновало.

– Здравствуйте, – недоумеваая ответил он.

– Вы, это, не пугайтесь, – она попыталась сделать некое подобие дружественной улыбки, – я просто хотела спросить вас: мой муж, случайно, к вам вчера не заходил?

– Да, – удивленно вскинул брови Алесь. – А что, собственно говоря, случилось?

– Понимаете, он вчера сказал, что пойдёт к вам, что у него есть к вам какой-то разговор, но, знаете, он ушёл, и его до сих пор нет дома. Ума не приложу, где он может быть...

На мгновение Алесь задумался. Теперь он понимал, почему Зинаида Петровна выглядела такой взволнованной, но понять, куда после вчерашнего разговора подевался Михалыч, не мог.

– У нас был с вашим мужем разговор, – подтвердил он. – Но Михалыч ушёл от меня около полуночи, и, куда направился мне не известно.

– Теперь даже и не знаю, где его искать, – обреченно сказала взволнованная женщина, взглядом умоляя помочь ей.

– Быть может, он остался у кого-то на ночь? – предположил Алесь. – Хотя, вряд ли... Утром он обязательно вернулся бы домой.

– Не знаю, не знаю... – задумчиво произнесла Зинаида Петровна и, поспешно попрощавшись, ушла, по всей видимости, продолжать поиски своего пропавшего мужа.

Алесь боялся допускать даже мысль о том, что вчерашний рассказ Михалыча хоть как-то связан с его внезапным исчезновением, поэтому он спокойно вернулся в дом, умылся и приготовил себе завтрак.

Подкрепившись, он решил проверить рассказ Михалыча, для начала посетив деревенский архив, который после пожара в сельсовете находился в школьной библиотеке.

В библиотеке работала местная красавица Екатерина, удивительно добрая девушка, высокая, статная, с большими голубыми глазами. Она никого не оставляла равнодушным. Белокурые волосы и умение подбирать наряды резко отличали её от скромных, сереньких односельчанок.

Екатерина в прошлом году закончила обучение в университете и с радостью согласилась заменить ушедшего на пенсию библиотекаря. Она была единственной девушкой во всей Слободке, которая всерьёз нравилась Алесю. С момента их первой встречи, он часто думал о ней, понимал, что фактически влюблен в неё, но боялся подойти к девушке и честно признаться в своих чувствах. Ссылаясь на неподходящее время, он ждал удобного момента, который всё никак не наступал. Екатерина догадывалась об этом. Алесь ей тоже нравился, и она с нетерпением ждала, когда он сделает первый шаг.

Несмотря на ливший всю ночь дождь, дорога до школы, благодаря недавно положенному асфальту, была сухая и особых неудобств Алесю не доставляла. Больше всего сейчас его волновала предстоящая встреча с Екатериной, ну, и, конечно же, необыкновенная история, рассказанная Михалычем.

– Здравствуйте, Екатерина! – сказал он, войдя в библиотеку. – А я к вам по делу.

Облаченная в голубое, великолепно облегающее её фигуру платье, Екатерина показалась ему ещё привлекательнее, чем обычно.

– О! Лучик! Рада видеть вас, – слегка смутившись, ответила девушка. На щеках её тотчас заиграл веселый румянец. – Так какое же дело привело вас в нашу скромную библиотеку?

– Если можно, Екатерина, я бы хотел немного поработать с находящимся у вас на хранении сельским архивом.

– Отчего же нельзя? – девушка улыбнулась. – Секретных документов у нас тут не имеется, поэтому работайте сколько душе угодно, только аккуратно. Подождите, я сейчас принесу документы из хранилища.

Повернувшись, она скрылась за дверью и через несколько минут вышла из хранилища с тремя большими папками архивных документов, касающихся непосредственно деревни Слободка.

– Вот, это документы из архива сельсовета, – сказала Екатерина, протягивая Алесю папки. – Присаживайтесь на любое место в читальном зале и работайте хоть до вечера.

Алесь взял тяжелые папки и уселся за соседний с Екатериной столик. Документов было не так много, как показалось сразу. Вперемешку с множеством газет, начиная с 1901 года, в которых упоминалась деревня Слободка, здесь обнаружили данные переписи населения в различные годы и куча никому не нужных квитанций и постановлений местных властей.

Прошло уже несколько часов, как Алесь приступил к изучению документов. Екатерина по-прежнему заполняла карточки, изредка поглядывая в его сторону, тщетно стараясь понять, зачем ему понадобился сельский архив.

Алесь искал хотя бы косвенное подтверждение рассказанной Михалычем легенды, но ничего стоящего обнаружить пока не удавалось, вдруг его взгляд остановился на листке старой пожелтевшей от времени газеты, в левом углу которого крупным шрифтом выделялся заголовок: «Слободкинское несчастье». Алесь быстро пробежал глазами по тексту, в котором подробнейшим образом излагалась история слободкинской утопленницы. Газета дотировалась четвертым июля 1936 года. Вспомнив слова Михалыча о том, что беда приходит в Слободку с интервалом в шестнадцать лет, после недолгих вычислений он пришёл к выводу, что это как раз тот самый год, когда и должно было произойти несчастье. Таким образом, легенда Михалыча косвенно подтверждалась, и у Алеся оставалось все меньше и меньше сомнений в правдивости его слов.

6

Попрощавшись с Екатериной, Алесь направился к Михалычу, предполагая, что тот уже давно находится дома. Идти предстояло через всю деревню, поэтому по пути он решил забежать в магазин, чтобы пополнить свои порядком оскудевшие съестные запасы. Возле магазина его неожиданно кто-то окликнул, он повернулся и увидел Нину Александровну, уже не молодую женщину, но с прекрасным чистым лицом, всё ещё не тронутым морщинами, необыкновенно грациозную, которая при желании могла бы посоперничать со многими молодыми красавицами. Алесь всегда искренне восхищался природной красотой и нарядами очаровательной школьной учительницы, изюминкой же этих нарядов был неизменный, изящно повязанный на шее светло-сиреневый шёлковый шарф.

– Здравствуй, Лучик, – голос женщины звучал взволнованно и, как показалось Алесю, предрекал неприятные известия.

– Здравствуйте, Нина Александровна! У вас что-нибудь случилось?

– Да нет, Лучик, это не у меня случилось, это у всей деревни случилось. Ещё одна беда... Михалыча-то нашего, школьного сторожа, час назад у обочины бездыханным нашли. Говорят, что, когда вчера вечером он возвращался домой, ему стало плохо с сердцем, он споткнулся и опрокинулся с дороги в канаву, а там уж, видимо, ударился головой о камень, да так неудачно, что сразу и умер на месте.

Алесь стоял ошеломлённый внезапно обрушившейся на него новостью. Мысли потоком проносились в его голове, причиняя неприятные болевые ощущения: «Неужели всё это чистая случайность? Но почему именно Михалыч? Неужели... Неужели всё это правда?». Из оцепенения его вывела вновь заговорившая Нина Александровна:

– Вот уж недаром люди говорят, что беда не приходит одна. Нелегко теперь придётся Зинаиде Петровне...

Он в знак согласия задумчиво кивнул головой. Нина Александровна, как никто другой, понимала ту беду, которая постигла семью школьного сторожа. Рано овдовев (её муж погиб в ужасной автомобильной аварии), Нина Александровна полностью посвятила себя работе в школе и воспитанию дочери, делая всё возможное и невозможное, чтобы её ребёнок ни в чём не нуждался и чувствовал себя полноценным.

Они постояли ещё некоторое время возле магазина, а затем разошлись каждый своей дорогой: Нина Александровна поспешила в аптеку за лекарствами для своей простудившейся дочери, а Алесь на заплетающихся от волнения ногах побрел домой.

Оказавшись дома и удобно устроившись в кресле, он попытался сосредоточиться, прекрасно понимая, что ему необходимо проанализировать те невероятные, но вполне реальные события, которые свалились на его голову за последние сутки, однако мозг отказывался работать и что-либо соображать. Вскоре и вовсе мысли начали путаться, и через полчаса Алесь погрузился в чуткий, тревожный сон.

На следующий день, проснувшись непривычно рано, он выпил несколько чашек крепкого кофе и, в течение часа тщательно проанализировав события двух прошедших дней, принялся составлять план дальнейших действий. Другим способом привести мысли в порядок не представлялось возможным. План получился гораздо скромнее, чем он изначально рассчитывал, и состоял всего из двух небольших пунктов:

1. Оказать всевозможную помощь в организации траурных мероприятий вдове Михалыча и родителям Сони Михеевой; 2. Попытаться разыскать в деревне свидетеля – старожилу, который смог бы подтвердить или опровергнуть хотя бы часть из рассказанной Михалычем легенды.

Алесь долго думал над вторым пунктом плана. Нужно было дать окончательное заключение по рассказанной Михалычем легенде: правда или всё же совпадение. Для этого нужен был надежный и всеобъемлющий источник информации. Алесь пришёл к выводу, что это должен быть человек-очевидец интересующих событий и временных промежутков. Попросить такого человека припомнить некоторые события из жизни Слободки – это, как покопаться в «живом архиве», обрести интересующую информацию с подробнейшими пояснениями, вплоть до личного мнения самого «архива». Это был беспроигрышный вариант.

На подсознательном уровне Алесь уже не сомневался, что проклятие существует и что с ним непременно придётся бороться, вот только, как будет происходить эта борьба, пока оставалось для него загадкой.

Похороны Михалыча и Сони Михеевой проходили в одно и то же время на стареньком деревенском погосте, находящемся недалеко от дороги, ведущей в соседнюю деревушку. Проститься со своими односельчанами собралось несколько сот человек, в том числе и Алесь Лучинок. Так же среди собравшихся был председатель колхоза Трофим Николаевич Дунин, библиотекарь Екатерина, учительница математики Нина Александровна и многие другие знакомые Алесю люди. Возле стоявших на табуретах гробов, помахивая кадиллом, заунывно и скорбно отпевал безвременно усопших односельчан настоятель местной церквушки батюшка Михаил.

Родители Сони Михеевой были раздавлены свалившемся на них горем и ни на минуту не отходили от дочери. Зинаида Петровна несколько раз падала в обморок и, поддерживаемая под руки Алесем и Трофимом Николаевичем, едва ли понимала, что сейчас происходило вокруг неё.

Отпевание закончилось. Гробы медленно начали опускаться в песчаные могилы.

Словно прощаясь со старым и молодым человеком, кланялся кроной-головушкой молодой клен, а опечаленная березка, не желая отпускать безвременно ушедших, протягивала к ним свои длинные руки-веточки. Но дуб-ворчун говорил: «Так бывает. Все мы когда-то засохнем». «Главное, чтобы не сгнили до тех пор, – отвечала ему грациозная сосна, – тогда, возможно, мы и после смерти согреем кого-то своим теплом». А красавица рябина тихонько плакала, роняя серебряные капельки припасённой с рассвета водицы на оббитую белым бархатом крышку гроба.

Люди были свидетелями этой сцены, но так ничего и не поняли. Зинаида Петровна, не в силах более причитать, снова лишилась чувств.

С похорон Алесь возвращался в подавленном настроении. Проклятие, с которым предстояло бороться, представлялось ему опасным и практически непобедимым. Это настроение не было трусостью, это был всего лишь здравый смысл, но вопреки этому смыслу отказываться от намеченной борьбы он ни в коем случае не собирался. Теперь, после выполнения первого пункта плана, предстояло приступить к выполнению второго. Этим он и решил заняться в самое ближайшее время.

7

Немного не дойдя до своего дома, Алесь свернул с центральной улицы в небольшой переулок и остановился у старенького перекошенного забора, за которым находился такой же старый и покосившийся домик. В этой маленькой хижине жил Степан Аркадьевич Ванюшин, человек добрый и отзывчивый, бывший военный артиллерист. Когда-то давно товарищи по службе уважительно и дельно называли его «душевным капитаном», а солдаты-срочники за глубокие познания в военном деле и настоящую любовь к канонирской профессии дали ему лаконичное прозвище Артиллерист. Оба эти прозвания точно характеризуют личность Степана Аркадьевича Ванюшина, человека простого, но с невероятно сложной судьбой.

В девяностые годы, когда уровень преступности зашкаливал в разы, Ванюшин решил продать свою трёхкомнатную квартиру в центре города, а на вырученные деньги купить квартиру поменьше, дачу недалеко от озера и, если хватит денег, то какую-нибудь поддержанную иномарку. К сожалению, его планам не суждено было сбыться: нечистые на руку риелторы, подпоив доверчивого офицера, так прокрутили сделку с продажей, что деньги безвозвратно испарились, а Ванюшин оказался на улице. Каким чудом он не превратился в очередного городского бездомного, теперь можно только догадываться, видимо, друзья по службе не бросили старого товарища в беде и, скинувшись, приобрели ему маленький домик в деревне Слободка.

Алесь несколько раз постучал в небольшое, завешенное плотной тканью окошко и, убедившись, что хозяин его услышал, взбежал на крыльцо. Ванюшин открыл дверь и, увидев посетителя, приветливо улыбнулся.

– А, это ты, Лучик! Ну, проходи, проходи скорее! – сказал он, приветствуя Алесья крепким рукопожатием. – Это каким ветром тебя занесло в мой переулок?

– Да вот решил заглянуть к старому товарищу, побалакать о том, о сем. В общем скучно мне стало, Степан Аркадьевич. Выручай!

Ванюшин провел гостя в плохо освещённую комнатку, служившую ему кухней, и жестом пригласил присаживаться за стол. Алесь, прежде чем сесть, сунул руку за пазуху и, вынув оттуда ранее купленную в магазине бутылку вишневой настойки, протянул её хозяину. Лицо Ванюшина мгновенно просияло блаженной улыбкой. С тех пор, как он волей судьбы оказался в Слободке, его ни одного дня не видели в трезвом виде, точнее, или его вообще не видели, или же видели, но неизменно слегка подвыпившим. На жизнь он зарабатывал, помогая односельчанам сажать посеы и убирать урожаи, заготовливать сено, очищать дворы от снега, ремонтировать крыши и сараи, поэтому Ванюшин, как никто другой, досконально знал всех жителей Слободки и был для Алесья незаменимым источником так необходимой ему информации. Прошлым летом они вместе перекрывали крышу школьного спортзала, работа была нелёгкой и требовала полной самоотдачи и взаимопомощи, именно тогда между ними начали зарождаться дружеские, доверительные отношения.

– Ты, Лучик, правильно сделал, что зашёл ко мне, а не к кому-то другому, – сказал довольный Ванюшин, разливая настойку в только что подготовленные стаканы. – Сейчас мы твою грусть-печаль быстро вылечим.

– А я в этом и не сомневаюсь, Степан Аркадьевич, поэтому сразу же к тебе и пришёл.

Ванюшин поднял наполненный стакан и, предлагая Алесю чокнуться, произнёс:

– Скука – это злейший враг человека, поэтому давай-ка выгоним её из твоего молодого сердца.

– Как там мудрая пословица гласит? Мешай дело с бездельем: с ума не сойдёшь!

– Намедни хлопцы с девушками, в праздник Ивана Купалы, всю ночь через огромные костры скакали, а под утро подпёрли мне дверь толстым колом и с песнями разбежались кто куда. Пришлось в окошко выбираться. А если бы беда какая?

– Полностью с тобой согласен, – улыбнувшись, сказал Алесь и, чокнувшись с хозяином, осушил свой стакан до дна.

Из закуски на столе лежало несколько порезанных на дольки помидоров и два небольших ломтика чёрного хлеба. Алесь осторожно взял дольку томата, посмотрел на неё и положил обратно на стол.

– Я, Степан Аркадьевич, оказался в непростой ситуации, – медленно произнёс он. – Деталей рассказать не могу, но хочу спросить у тебя совета: как бы ты поступил, если бы от твоих действий зависела жизнь другого человека, но при этом ты бы не знал, что необходимо сделать?

Ванюшин на мгновение призадумался, в комнате воцарилась напряжённая, глухонемая тишина, затем он подался немного вперед к Алесю и шёпотом произнёс:

– Чтобы ответить на твой вопрос, нужно выпить ещё, как минимум, один стакан настойки.

Алесь улыбнулся, а Ванюшин громко рассмеялся и снова откинулся на спинку стула. Они выпили ещё по стакану настойки, не чокаясь, за Сою Михееву и Михалыча, и беседа продолжилась в прежнем русле.

– Когда на кону стоит человеческая жизнь, действовать нужно решительно и без промедления, именно так, как подсказывает сердце, ибо, если ставка слишком высока, то разум теряется в непривычных для него условиях, – наставительно и серьёзно произнес Ванюшин.

– А если сердце тоже молчит?

– Сердце не может молчать, оно вообще никогда не молчит. Если ты его не слышишь, значит, ты просто не умеешь прислушиваться к своему сердцу.

– Может быть ты и прав... Но тогда скажи мне, Степан Аркадьевич, как научиться прислушиваться к своему сердцу?

– Чтобы научиться слушать свое сердце, – Ванюшин разлил по стаканам оставшуюся в бутылке настойку, – нужно почувствовать себя свободным человеком, независимым от обстоятельств и тем более от людей.

– Кажется, я начинаю тебя понимать... В большинстве случаев мы заложники своих страхов, а по-настоящему свободный человек даже в четырёх стенах остается свободным, это значит, что ему не страшны никакие преграды.

– Вот видишь, ты сам ответил на свой ранее заданный вопрос, это несомненное доказательство того, что ты уже начинаешь прислушиваться к своему сердцу.

За окном было темно, когда Алесь встал из-за стола и, попрощавшись с хозяином, по узкому коридору направился к выходу. Вдруг, он как будто что-то вспомнив, обернулся к Ванюшину и спросил:

– Степан Аркадьевич, ты случайно не знаешь, кто у нас в Слободке самый старый долгожитель, ну, или долгожительница?

– Тебе-то это зачем? – вопросом на вопрос ответил уже порядком захмелевший Ванюшин.

– Нужно, Степан Аркадьевич, очень нужно!

– Ну, так это бабка травница, Евдокия Семёновна Бибилова, живёт на хуторе, за кладбищем, недалеко от леса. Ей уже, поди, девяносто шестой годок идёт... Говорят, что она за всю жизнь из Слободки ни разу никуда дальше города ни выезжала. Я у неё как-то хлев починял, так она мне за работу целый полтинник заплатила...

– Это теперь совсем не важно, – перебил Ванюшина Алесь, – мне эту травницу спросить кое о чём необходимо, не подскажешь, как её можно найти?

– Днём, обычно, её не бывает дома, всё где-то по лесу скитается, ты иди ближе к вечеру. Сразу за кладбищем, слева от дороги, прямо у самой кромки леса стоит её маленькая избушка.

– Спасибо тебе, Степан Аркадьевич, ты настоящий друг. Могу ли я в случае чего рассчитывать на твою помощь? – неожиданно спросил Алесь.

– Ты и я – мы с тобой слободчане! А для меня честь зваться слободчанином. Для меня Слободка, это семья, в которой все должны помогать друг другу, иначе грош нам цена, – вытирая слезу, пылко ответил растроганный таким вопросом Ванюшин.

Алесь крепко пожал его большую сильную руку и скрылся за дверью.

8

Витебская губерния, 1807 год

Солнце уже на половину спряталось за горизонт, когда промокшие до нитки и изнуренные майским солнцем рыбаки возвращались со своим скудным уловом в деревню. Пан Януш смотрел на них из окна своего кабинета и недоуменно качал головой. Вот уже третий год подряд рыбы в озере становилось всё меньше и меньше, а старожилы и вовсе поговаривали о небывалом засилье щуки. С этим срочно надо было что-то делать, вот только что именно, пану было пока невдомёк.

– На чем это я остановился? – спросил пан Януш у своего собеседника, отвернувшись от окна и удручённо вздохнув.

– Вы сказали, пан Януш, что в Витебске встретили знакомого доктора, который поведал вам неприятные известия, – напомнил ему пожилой, но довольно крепкий мужчина с благородной осанкой и седеющими усами. Красный полукафтан, подпоясанный черным ремнём, и высокие кожаные сапоги выдавали в нем старшего егеря при панском имении, коим он и являлся на самом деле.

– Ах да, точно, доктор! Ты, Кузьмич, помнишь моего соседа Генрика, который после смерти молодой жены забросил хозяйство и лишился рассудка?

– Помню, пан Януш, и Генрика и отца его помню. Добрая была семья.

– Доктор рассказал мне, как встретил в трактире безумца, который назывался Генриком и утверждал, что волосы на его голове живые и кричат не умолкая.

– Пресвятая Дева Мария!

– А на следующий день этого мужчину нашли повешенным в заброшенном сарае, неподалёку от трактира. Не стерпел своего безумия.

– Надобно помолится за упокой души этого Генрика.

– Он так и не смог свыкнуться со смертью жены. Вечный покой даруй усопшим, Господи, и да сияет им свет вечный. Да покоятся в мире. Аминь. А теперь, Кузьмич, о делах житейских: завтра из города к нам прибудет молодой псарь, будем строить псарню у озера и развивать псовую охоту. В городе я нанял весьма талантливого молодого человека. Честно признаюсь, мне стоило не малых трудов выпросить его у Шишкина, за это я пообещал губернатору псовую охоту во всём её великолепии. Так что, Николай Кузьмич, придётся постараться.

– Не беспокойтесь пан Януш, не осрамимся. Мы этому Шишкину такую охоту устроим, век не забудет, даже если для этого и придётся всю дичь в лесу поднять, ни в коем разе не осрамимся.

– Ступай Кузьмич с Богом, а завтра отдай все необходимые распоряжения, леса у нас в достатке, людей тоже. Начинайте строить новую псарню, да такую, чтоб раза в два поболее была, чем у соседа моего Казимира Жабы. Уж больно он, давеча, на ярмарке в Витебске своей верховской псарней похвалялся. Негоже его хвастовство без внимания оставить.

Чеса разложила на кровати отцовские подарки, новые и привезённые с прошлых поездок, и, вдоволь на них налюбовавшись, с превеликим удовольствием принялась складывать их в маленький сундучок. Своё место внутри деревянной шкатулки заняли невероятной красоты золотой браслет, гребешок из слоновой кости, украшенный позолоченными индийскими письменами, черевички из белой кожи и заячьего меха, которые девушка берегла для предстоящей

когда-нибудь свадьбы, и сделанное лучшими витебскими мастерами-ювелирами серебряное зеркальце.

– Моё маленькое сокровище, – умилённо прошептала молодая панночка, пряча свой сундук под кровать у самого изголовья.

Быстро переодевшись в ночную рубашку, Чезя задула свечи и легла спать. Совсем неподалёку, за тонкой декоративной перегородкой из бруса, в своей комнате глубоким сном спала её младшая сестрёнка Кити, рядом с кроватью девочки стояла небольшая плетёная корзинка, в которой черно-белая кошка Марфа уже в сотый раз вылизывала своего единственного рыжего котёнка. На первом этаже всё ещё копошились слуги, занятые приготовлениями ко сну или просто весело болтающие между собой.

Убедившись, что все в доме уснули, пан Януш спустился в подвал и, сняв с шеи серебряную цепочку с ключом, отомкнул большую металлическую дверь. Перешагнув порог и оказавшись в подземном лабиринте, он с зажжённым факелом направился к родовому склепу, чтобы в очередной раз помолиться у гроба своей усопшей жены.

Утром, когда запели первые петухи, а от берега отчалили старенькие, сплошь залатанные дегтем рыбацкие лодки, когда над вековым лесом единым гулом застучало несколько десятков мужицких топоров, пан Януш уже спал в своей большой комнате на втором этаже и видел во сне жену, которая благодарила его за произнесённую этой ночью молитву. В эту минуту пан улыбался совершенно по-детски, так, как улыбаются младенцы, которым ещё дано лицезреть чистых, непорочных ангелов.

9

Довольный, что теперь в случае необходимости можно рассчитывать на помощь Ванюшина, Алесь уверенными шагами приблизился к своему дому и отворил калитку. Неожиданно возле крыльца его внимание привлек привязанный к дверной ручке, развевающийся на ветру небольшой лоскут белой лёгкой ткани. Подойдя ближе, он увидел самую обыкновенную свадебную фату. «Что за идиотские шутки, – подумал Алесь и, аккуратно сняв фату с дверной ручки, открыл ключом замок и вошел в дом. – Вот уж, действительно, кому-то нечего делать». Пройдя на кухню, он включил свет и увидел на фате странные алые пятнышки. Присмотревшись повнимательнее, Алесь прочел два неразборчивых слова: «Оставь нас». У него сразу же промелькнула мысль, что форма послания и его содержание самым непосредственным образом связаны с проклятием, погубившим Михалыча и многих девушек. Страх мгновенно окутал сознание Алеся, захотелось отказаться от дальнейшей борьбы и вообще уехать куда-нибудь подальше от этой деревушки и этого проклятого озера, но в ту же минуту в памяти всплыли слова, произнесённые захмелевшим Ванюшиным: «Когда на кону стоит человеческая жизнь, действовать нужно решительно и без промедления, именно так, как подсказывает сердце...». Алесь постарался взять себя в руки и сосредоточится, он поставил на газовую плиту чайник и зажёл конфорку, затем сгрёб со стола фату, вынес её во двор и сжёг. Вернувшись обратно в дом, он заварил себе крепкого чая и с кружкой в руке уселся в мягкое удобное кресло перед телевизором. Сердце подсказывало, что борьбу нужно продолжать, не останавливаясь ни перед чем.

Утро следующего дня выдалось пасмурным и серым, но вопреки ожиданиям жителей Слободки дождь так и не начался, а после обеда над деревней и вовсе засияло жгучее июльское солнышко.

Позавтракав, Алесь занялся починкой забора, который местами пришёл в негодное состояние. Работа быстро наладилась и новые штакетины одна за другой занимали свои места в очередном заборном пролете, благо под рукой имелись все необходимые для этого инструменты и материал. Ближе к вечеру с забором было покончено. Алесь взглянул на старые офицерские часы, подаренные ему дедом, они показывали двадцать четыре минуты шестого. Сложив весь оставшийся материал и инструменты в гараж, он переоделся и отправился на встречу с самым старым жителем, а точнее, жительницей деревни Слободка.

Миновав кладбище, на котором издали виднелись два свежих могильных холмика, сплошь заваленных траурными венками, Алесь свернул влево, и по узкой извилистой тропинке стал подниматься на холм, на самой верхушке которого, перед лесным массивом, виднелась ухоженная бревенчатая избушка, рядом с которой располагались такой же ухоженный сарайчик и небольшой огород. Алесь остановился возле калитки и посмотрел на сидевшего во дворе рядом с будкой пса, черного, как ночь. Собака, более похожая на охотничью гончую, чем на сторожевую, казалась приветливой и дружелюбной, но стоило чужаку сделать шаг во двор, как вдруг пёс ошетинился и злобно зарычал, угрожающе ослабив свои острые, как бритва, клыки.

– Буран, фу! Иди в будку! – послышался из приоткрытого окошка старческий дребезжащий голос.

Собака послушно смолкла и, поглядывая на незваного гостя, медленно пятясь задом, отступила и села рядом с будкой. На пороге крыльца показалась невысокая сторбленная фигурка. Жестом приглашая незнакомца подойти ближе, она все тем же дребезжащим голосом проговорила:

– Подойдите, не бойтесь, теперь собака вас точно не тронет.

Он подошёл к крыльцу, всё время оглядываясь на сидящего возле будки пса, но тот даже не повёл ухом, Алесь расслабился и посмотрел на хозяйку: перед ним стояла женщина на вид гораздо моложе той, которую он представлял себе здесь увидеть. Одета в длинное шерстяное

платье и серенькую телогрейку, с повязанным поверх седых волос цветастым платком, она производила доброе и приятное впечатление.

– Здравствуйте! Мне бы Евдокию Семёновну повидать... – неуверенно произнёс он.

– Я и есть Евдокия Семёновна, – ответила старушка, удивленно поглядывая на молодого человека. – Проходите в дом, не пристало гостю на пороге стоять.

Алесь поднялся на крыльцо и вслед за старушкой вошёл в светлую, скромно обставленную комнатку, густо наполненную ароматами сухих трав и корней, которые тут же были развешаны на протянутых вдоль стен верёвках. Женщина усадила гостя за массивный дубовый стол, а сама присела на низкую лавочку у печной стены.

– Ну, молодой человек, какие вопросы привели вас в мой дом? – старушка пристально посмотрела на гостя, ожидая от него искреннего и правдивого ответа.

– Таить от вас, Евдокия Семеновна, я ничего не буду, – проговорил взволнованный таким началом разговора Алесь. – Фамилия моя Лучинок, а звать меня Алесем, работаю в местной школе учителем истории и географии, и у меня к вам есть несколько вопросов по одному очень важному безотлагательному делу.

– В таком случае, как говорится, чем смогу, тем помогу! – уже более доверительно и спокойно сказала Евдокия Семёновна. – Рассказывайте, а я послушаю.

Алесь ничего не собирался утаивать от этой мудрой и добродушной женщины, он рассказал ей всё то, что недавно поведал ему ныне покойный Михалыч, не забыв упомянуть о фате, привязанной к дверной ручке, и о словах, написанных на ней непонятной бордовой жидкостью, по консистенции похожей на кровь.

Евдокия Семёновна молча выслушала гостя, не проявляя никаких признаков удивления, и, когда он закончил, встала, подошла к печной плите и, не оборачиваясь, спросила:

– Вам чай сделать с липой или зверобоем?

– Пожалуй, лучше я выпью чашечку чая с липой, – ответил удивленный Алесь.

Евдокия Семёновна заварила чай, разлила его по кружкам и поставила на стол, затем открыла старенький скрипучий буфет и вынула из него глубокие тарелки с пряниками и конфетами. На этот раз старушка заняла место за столом, с противоположной от гостя стороны.

– Вы, молодой человек, правильно сделали, что пришли именно ко мне, – медленно, с горечью в голосе произнесла Евдокия Семёновна. – В 1936 году на Псярском озере при загадочных обстоятельствах утонула моя сестра-двойняшка Анна, нам тогда едва исполнилось шестнадцать лет. Об этом, кстати, даже писали в районной газете. И только много лет спустя я узнала о страшной тайне, которую хранит наше озеро, но обо всём по порядку.

– Так это ваша сестра? – Алесь от волнения поперхнулся пряником. – Я видел эту статью в школьной библиотеке.

– Да, да... Анна была удивительно добрым человеком, дни напролёт проводила в качестве сестры милосердия в местной больнице, всеми силами помогая пациентам оправляться от заболеваний и травм. Её гибель была настоящей трагедией не только для нашей семьи, но и для всей Слободки.

– А знал ли кто-нибудь в то время тайну Псярского озера?

– О проклятии тогда вслух не говорили, в те годы вообще не принято было верить ни во что, кроме советской власти, но были в деревне два человека, которые про проклятие не просто знали, но и пытались ему противостоять. Бывший священник местной церквушки Дьяконов и его старший сын Дмитрий – тогда ещё мой будущий муж – занимались изучением истории родного края и наткнулись на поразившую их закономерность: раз в шестнадцать лет в озере обязательно тонула молодая несовершеннолетняя девушка. Сопоставив добытую у старожил информацию, они пришли к выводу, что это – проклятие, и что берёт оно свое начало с гибели молодой панночки, которая лишила себя жизни, утопившись в этом озере в 1808 году. Дьяконов с сыном несколько раз освящали озеро, читали молитвы на месте, где когда-то стоял пан-

ский дом. Но узнать, сработали их действия или нет, можно было только через шестнадцать лет. В апреле 1941 года мы с Дмитрием обвенчались, а через два месяца моего мужа вместе с его отцом призвали на фронт. Летом 1943 года Дмитрий и его отец погибли в битве на Курской дуге, а спустя девять лет после их гибели, в июле 1952 года, на Псярском озере снова произошла беда: утонула местная девушка, по имени Василиса. Она стала девятой жертвой озера, не считая самой панночки. – Евдокия Семёновна замолчала и, подняв чашку, сделала глоток уже остывшего липового чая.

– Но неужели больше никто ни пытался противостоять проклятию? – спросил ошеломлённый услышанным Алесь.

– Шестнадцать лет, сынок, это достаточный срок, чтобы забыть чужое горе и сделать проклятие неочевидным. Однако я всю свою жизнь посвятила делу, которое начал мой муж и его отец. Я изучила несколько десятков книг по белой и черной магии, совершила десятка два ритуальных обрядов, но всё без толку, и гибель очередной, тринадцатой невинной девицы, яркое тому подтверждение.

– Значит бороться с проклятием невозможно... – разочарованно констатировал Алесь.

– Вы рано отчаиваетесь, молодой человек! Недавно в одном из журналов я вычитала интереснейшую статью, в ней была описана похожая история с проклятием, произошедшая в небольшой деревеньке на берегу Волги, в четырнадцати километрах от Углича. Там всё кончилось благополучно, а помог жителям деревушки местный знахарь по прозвищу Шатун. Ввиду моего возраста, я в Углич поехать не могу, поэтому сам Бог послал вас ко мне. На данный момент это наш единственный шанс... Вам необходимо отправится на Волгу, найти этого Шатуна и попросить его помочь нам в нашей беде.

– Но согласится ли он помочь?

– Не сомневайтесь в этом! – уверенно сказала старушка и вышла из комнаты. Через минуту Евдокия Семёновна возвратилась в кухню и протянула гостю большую серебрянную брошь, украшенную по краям красно-пурпурными камушками, судя по всему рубинами. В центре броши таинственно сверкал зеленый изумруд.

– Эта вещица, – сказала она, протягивая ему реликвию, – досталась мне от моей бабки, которая некогда служила фрейлиной у императрицы Марии Фёдоровны, матери последнего российского императора. Императрица наградила мою бабушку брошью за семьдесят семь лет безупречной службы её высочеству. Возьмите её и передайте Шатуну. У меня есть информация, что этот знахарь собирает все, что когда-либо было связано с династией Романовых, так как в этих вещах содержится колоссально мощная энергетика.

– Но ведь это очень дорогая вещь, – возразил Алесь, – и как память в том числе. Быть может, лучше обойтись без неё?

– Без неё никак не получится, мы обязательно должны расплатиться с ним за его услугу. Таковы законы мира чёрной магии.

– Ещё два дня назад я и представить себе не мог, что знахари и колдуны существуют на самом деле, – вполголоса проговорил Алесь, – а теперь вот отправляюсь на сделку за тридевять земель.

– Если у нас получится побороть это проклятие, то мы спасём многих невинных девушек, которые впоследствии станут для кого-то жёнами и матерями. В этом и заключается наша миссия, помните об этом, молодой человек, и никогда не забывайте. А теперь ступайте домой да немедленно начинайте готовиться в дальний путь.

Старушка подошла к Алесю и, освятив его тройным крестным знаменем, благословила на доброе дело и далекий путь.

10

Возвращаясь домой и проходя мимо кладбища, Алесь ещё крепче стиснул брошь, переданную ему Евдокией Семёновной. Он дал себе клятву бороться с проклятием до победного конца, даже если в итоге за это придётся расплачиваться ценой собственной жизни. Непокоримая уверенность в своих силах росла в нем с каждой минутой.

Второй, последний пункт плана был выполнен и принёс неожиданно полезные результаты, теперь борьба с проклятием не казалась Алесю такой безнадежной, как ранее, но, чтобы поступать разумно и последовательно, требовалось составить новый план дальнейших действий. Этим он и занялся, придя домой и расположившись в мягком удобном кресле. Вскоре план был готов, и состоял он теперь из трёх пунктов:

1. Предложить Ванюшину вместе отправиться на Волгу; 2. Попроцаться с Екатериной; 3. Обязательно добраться до Шатуна.

Солнце было уже высоко в зените, когда Алесь свернул в переулок, в котором располагался домик Степана Аркадьевича Ванюшина. Хозяин находился во дворе, он лихо раскалывал огромным колунуном сучковатые берёзовые чурки.

– Бог в помощь, Степан Аркадьевич! – громко произнес Алесь. – Ты что это, к зиме готовишься?

– Здравствуй, Лучик! – поприветствовал его Ванюшин. Он положил колун и, вытирая со лба пот рукавом рубахи, подошел к стоящему возле калитки Алесю. На его щетинистой физиономии поигрывала легкая загадочность, а с губ не сползала довольная улыбка, указывающая на то, что Ванюшин уже с утра где-то успел подзаправиться.

– Дело у меня к тебе есть, – сказал Алесь, приветствуя друга рукопожатием. – Пойдём, на лавку присядем.

Ванюшин внимательно посмотрел на Алесю, когда они расположились на узенькой скамеечке под окошком, и спросил:

– Какой-то ты загадочный в последнее время стал, случилось чего?

– В том-то всё и дело, что случилось! – ответил Алесь. – Но обо всё по порядку.

В течение получаса он в подробностях рассказал Ванюшину о событиях предыдущих дней, так или иначе связанных с проклятием Псярского озера. Ванюшин был сильно удивлен услышанным и никак не мог поверить в реальность проклятия, но, когда речь пошла о Евдокии Семёновне, все его сомнения сошли на нет. В его жизни, как и в жизни Алесю Лученка, взамен старой была открыта новая вселенная, наполненная невероятными, не поддающимися логическому осмыслению фактами.

– Ну так что, поедешь со мной на Волгу к Шатуну, Степан Аркадьевич? – спросил у Ванюшина Алесь, заканчивая свой рассказ.

– А ты думаешь, я тебя к этому знахарю одного отправлю? Вот уж нет! Тут дело серьёзное, двоим нам сподручнее будет. Когда выезжаем?

– Завтра. До вокзала с председателем доедем, он как раз в райцентр собирается, а там билеты купим и на поезде до Углича, с пересадкой в Москве. Так что собирай, Степан Аркадьевич, вещи. В восемь утра буду ждать тебя возле дома председателя.

– Ох, давненько я не выезжал из Слободки! – улыбаясь, сказал Ванюшин. – Веселенькое предстоит нам путешествие.

– Ты это о чём? Чтобы в дороге никакого спиртного! – наставительно произнёс Алесь. – Ты же сам сказал: «Дело у нас серьёзное»!

– Да я не об этом, я про само путешествие. Вот ты только подумай, как же это прекрасно, когда поезд, минуя часовые пояса, уносит тебя в далёкую неизвестность, полную неожиданных приключений; когда за окном вагона проплывают невиданные тобой ранее города; когда солнце

сопровождает тебя днём, а луна освещает твой путь ночью; когда ты засыпаешь под стук колёс, как когда-то ранее засыпал под колыбельные песни матери; когда каждая остановка – это новый непонятный тебе мир, на исследование которого отведено всего лишь несколько часов или минут... Разве это не прекрасно?

– А ты, Степан Аркадьевич, оказывается, романтик! Не ожидал, не ожидал. Тебе бы стихи писать, а не горилку пить. Ну да ладно, мне ещё забежать кое-куда надо, поэтому вынужден тебя оставить, – сказал Алесь, задумчиво поглядывая на часы. – Смотри, завтра не проспи!

Попрощавшись с Ванюшиным, Алесь вышел на центральную улицу и направился в сторону библиотеки. Ввиду последних событий, он наконец-то решился встретиться и поговорить с Екатериной. Все его мысли теперь были заняты этой предстоящей встречей. С того момента, как он решил ехать на Волгу, образ Екатерины преследовал его повсюду, чувства к ней, до этого спрятанные глубоко в душе, обострились, и игнорировать их не было уже никакого смысла. Понимая опасность предстоящего дела, Алесю нестерпимо захотелось рассказать девушке о тех чувствах, которые он к ней испытывает, ему было важно, чтобы она ждала его и верила в него, ему казалось, что если это условие будет выполнено, то его дело непременно увенчается успехом.

– Здравствуйте! – с порога растерянно поприветствовал Алесь сидящую за письменным столом Екатерину. – Это вам! – он протянул ей маленький букетик полевых ромашек, сорванных по дороге, и улыбнулся детской наивной улыбкой, всеми силами стараясь побороть нарастающее смущение.

Екатерина медленно приняла из рук Алеся букетик и, так же, как и он, густо покраснев, посмотрела на него из-под длинных черных ресниц, глазами полными благодарности. В этот момент в библиотеке кроме них никого не было, они стояли друг напротив друга в полной тишине, разделённые только столом, на котором аккуратными стопками лежали заполненные и незаполненные читательские карточки.

– Наконец-то ты пришел... – прошептала Екатерина.

– Да... – выдохнул Алесь. – Наконец-то...

– А пойдём пить чай! У меня, как раз, сейчас перерыв. Я хочу угостить тебя пирожками с повидлом. И даже не думай отказываться! Улизнуть не получится!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.